

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ТОЛСТОВ

(1907—1976)

Советская этнографическая наука понесла тяжелую утрату. 28 декабря 1976 г. скоропостижно скончался член-корреспондент Академии наук СССР, почетный член Академии наук Узбекской ССР, лауреат Государственной премии, доктор исторических наук, профессор Сергей Павлович Толстов — выдающийся ученый — этнограф, археолог, историк-востоковед.

Сергей Павлович был человеком разносторонних интересов и исключительной эрудиции. Его исследования, основанные на широком использовании данных этнографии, археологии, лингвистики, антропологии, географии и других смежных дисциплин, получили широкое признание не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Научную деятельность Сергей Павлович всегда сочетал с большой и плодотворной работой по подготовке научных кадров историков, археологов, этнографов как для РСФСР, так и для союзных республик, особенно республик Средней Азии. Его учеников и последователей можно встретить во всех этнографических центрах нашей страны.

С именем Сергея Павловича Толстова связано формирование основных направлений и разработка важнейших проблем советской этнографии¹, расширение сферы деятельности и превращение в подлинный центр этнографической науки Института этнографии АН СССР, который он возглавлял почти четверть века. С его именем связано также открытие высокой цивилизации древнего Хорезма и культуры степных полукочевых племен Приаралья.

Образ Сергея Павловича Толстова — замечательного ученого, которого отличали большой научный и организаторский талант, необыкновенная, самоотверженная преданность науке, огромная и разносторонняя эрудиция, постоянный творческий поиск нового, большое человеческое обаяние, навсегда сохранится в памяти его коллег и учеников.

Увлечение этнографией определилось у С. П. Толстова еще с юношеских лет. Поступив в 1923 г. на Физико-математический факультет Московского государственного университета, он стал изучать этнографию, антропологию и первобытную археологию на кафедре антропологии, созданной Д. Н. Анучиным. Во время учебы в университете началась научная деятельность С. П. Толстова как этнографа анучинской школы, последовательного сторонника комплексных методов исследования. Уже в 1925—1927 гг. он участвовал в антропологической комплексной экспедиции МГУ, возглавив ее этнографический отряд. Этнографические исследования сначала велись им среди русского населения Ветлужского края (Горьковская область), затем среди наро-

¹ См.: С. П. Толстов. Этнография и современность. — «Сов. этнография» (далее СЭ), 1946, № 1; его же. Советская школа в этнографии. — СЭ, 1947, № 4; его же. В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии. — СЭ, 1949, № 1; его же. Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР. — СЭ, 1951, № 3; его же. Сорок лет советской этнографии. — СЭ, 1957, № 5; его же. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии. — СЭ, 1960, № 6.

дов Поволжья и Центрально-Промышленной области — горных и луговых марийцев, различных этнографических групп мордвы и татар, тверских карел. С. П. Толстов участвовал и в археологических работах антропологической комплексной экспедиции МГУ.

В 1927 г. появилось в печати его первое этнографическое исследование — «Русские крестьянские постройки», ставшее важным вкладом в изучение русской материальной культуры. В этой статье С. П. Толстов предложил новую типологию русского народного жилища, основанную на оригинальных, собранных им полевых материалах.

В те же годы, будучи студентом МГУ, Сергей Павлович работал в музеях: с 1926 г. в Московском областном, а с 1929 г. — в Музее народоведения. Он принимал также деятельное участие в организации краеведческого движения в нашей стране — был председателем студенческой секции Центрального Бюро краеведения.

В 1929 г. С. П. Толстов перешел на Историко-этнологический факультет МГУ, который и закончил в 1930 г.

Первая же этнографическая поездка в Хорезм в 1929 г. определила основной круг научных интересов молодого исследователя, сосредоточившихся с этого времени на истории, археологии и этнографии Средней Азии. Воссозданию многовековой истории ее народов он посвятил всю свою жизнь. В 1934 г. С. П. Толстов закончил в Ленинграде аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) по специальности история и археология Средней Азии. По возвращении в Москву он был назначен ученым секретарем, а потом заведующим Московским отделением Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК); в 1937 г. — стал заведующим открывшейся на Историческом факультете МГУ кафедры этнографии. Однако научно-организационная и преподавательская работа не помешала ему развернуть широкие исследования в Средней Азии. В Музее народов СССР им была создана экспозиция отдела народов Средней Азии. В том же 1937 г. начала свои работы основанная С. П. Толстовым Хорезмская археологическая (впоследствии археолого-этнографическая) экспедиция, которая успешно работает и по сей день.

В первые дни Великой Отечественной войны С. П. Толстов вступил в ряды народного ополчения и вскоре стал офицером артиллерийской разведки. Он участвовал в боях под Ельней и Можайском и во время битвы под Москвой был тяжело ранен. После демобилизации, вернувшись к работе в Академии наук СССР, Сергей Павлович в 1942 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Древний Хорезм». В декабре того же, 1942 г., он был назначен директором Института этнографии АН СССР, получив разрешение организовать Московскую группу. В 1944 г. С. П. Толстов вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Руководство Институтom Сергей Павлович сочетал с преподавательской работой. Он по-прежнему был заведующим кафедрой этнографии, а в 1943—1945 гг. — и деканом Исторического факультета МГУ. В лекциях по этнографии, которые С. П. Толстов читал в предвоенные и первые послевоенные годы (до 1952 г.), проявились его талант исследователя и педагога, огромная эрудиция. Влияние его личности, постоянное ощущение в общении с ним творческого поиска нового, поиска трудного, но в то же время необыкновенного, романтического и интересного, привлекали к нему молодежь: большинство этнографов среднего поколения — его бывшие ученики; весь коллектив Хорезмской экспедиции — ученики Сергея Павловича, начавшие свой путь в науку под его руководством еще со студенческой скамьи.

С 1949 по 1954 г. С. П. Толстов работу в Институте совмещал с должностью заместителя Главного ученого секретаря Президиума АН СССР. В 1953 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В течение 20 лет — с 1946 по 1966 г. — Сергей Павлович был главным редактором журнала «Советская этнография». В значительной мере благодаря его усилиям на страницах журнала всегда находили отражение наиболее важные и интересные открытия, исследования, теоретические дискуссии в области этнографии и смежных дисциплин.

* * *

Став директором Института этнографии в годы Великой Отечественной войны, С. П. Толстов столкнулся со многими трудностями. Особенно остро встал вопрос о кадрах этнографов — многие сотрудники Института погибли на фронте и в блокированном Ленинграде. Сергей Павлович сосредоточил в Институте квалифицированных специалистов, ученых-этнографов, рассеявшихся в годы войны по разным городам. К концу Великой Отечественной войны подавляющее большинство ведущих ученых-этнографов Москвы и Ленинграда стали сотрудниками Института этнографии АН СССР. К работе в Институте привлекались археологи, географы и специалисты других профессий, участие которых было необходимо в полевых исследованиях и в комплексной разработке новых сложных и актуальных этнографических и смежных с ними проблем.

В первые же послевоенные годы Сергей Павлович возглавил работу над капитальным многотомным изданием «Народы мира». Придавая первостепенное методологическое значение этому изданию, он писал в 1957 г., что коллектив Института понимал всю трудность стоявшей перед ним задачи: «Здесь фактически не было предшественников. Помимо того, что стояла задача создать первый капитальный этнографический труд, построенный на основе марксистско-ленинской методологии, надо было дать труд, отражающий в историческом освещении современное положение, современную культуру, быт и образ жизни всех народов мира. Существующие четыре многотомных издания по общей этнографии — три немецких и одно итальянское — имеют целью отразить отнюдь не современное положение народов, а их „традиционную“ культуру, описываемую, по существу, без временных рамок, по материалам то начала XX в., то середины XIX, то даже конца XVIII в.»².

Подготовка многотомной серии «Народы мира» и разработка других крупных проблем потребовали широкого сбора и накопления новых этнографических материалов, в том числе и по народам СССР, собиравшихся до этого без строгого, единого плана, отдельными этнографами, по интересующим их, подчас довольно узким темам. Результатом такой работы была фрагментарность сведений о многих народах, недостаточность их для обобщений и сопоставлений, множество «белых пятен». Для преодоления этого препятствия в дальнейшем развитии науки по инициативе С. П. Толстова был принят метод проведения полевых исследований путем организации крупных комплексных экспедиций, в задачу которых входило планомерное обследование и сбор этнографических, археологических и антропологических материалов на территории больших историко-культурных регионов и областей. Так, в 1945 г. возобновила свои исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, были вновь организованы Прибалтийская, Памиро-Ферганская (позднее Киргизская) комплексные экспедиции и другие. Экспедиции работали в течение многих лет большими отрядами, в составе которых были и ученые республиканских научных центров. Широкий масштаб полевых исследований, их серьезное планирование стали одной из новых традиций в советской этнографической науке.

² С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии, с. 41—42.

В послевоенные годы возникла необходимость сосредоточить силы этнографов на развитии одного из основных научных направлений — этнографическом изучении современности. С. П. Толстову вместе с ведущими сотрудниками Института (П. И. Кушнер, И. И. Потехин и другие) пришлось приложить много усилий для преодоления еще не изжитого полностью у некоторой части этнографов предубеждения против этой тематики. Как известно, в предвоенные годы существовала тенденция к сужению профиля этнографии, сведению ее к изучению лишь пережитков первобытнообщинного строя. Борьбу с подобного рода тенденциями С. П. Толстов вел постоянно, с самого начала своей научной деятельности, — в статьях и докладах, в повседневной работе с сотрудниками Института. «Советский этнограф, — писал он в 1946 г., — к какой бы национальности он ни принадлежал, прежде всего активный участник культурной жизни и строительства того народа, изучению которого он себя посвятил. Он такой же гражданин советской Родины, как и те, над наследством культуры которых он работает; они вместе строят одну и ту же социалистическую советскую культуру, в какие бы национальные формы она ни выливалась»³. Постепенно новое прогрессивное направление в этнографии укрепились.

В каждой экспедиции Института работали отряды по изучению быта колхозного крестьянства, началась авторская работа над коллективными монографиями о быте и культуре колхозного крестьянства Таджикистана, Киргизии, Латвии, русского села Вирятино и др. В 1951 г. в Ленинграде состоялось Всесоюзное этнографическое совещание, мобилизовавшее этнографов всех республик на разработку проблем культуры и быта рабочих и колхозников по материалам разных регионов, разных наций, народностей и этнографических групп. И за сравнительно короткий срок — конец 1940-х — 1950-е гг. — был собран обширный материал, обеспечивший освещение нового быта, во всех томах серии «Народы мира», посвященных народам СССР. В то же время сотрудники зарубежных секторов Института, используя разнообразные новейшие источники и установившиеся научные связи с зарубежными учеными, обеспечили введение в соответствующие тома сведений по современному положению, культуре и быту народов Африки, Америки, Австралии и Океании, зарубежных стран Европы и Азии.

Многотомное издание «Народы мира», получившее высокую оценку научной общественности в нашей стране и за рубежом, — одно из крупнейших достижений советской этнографии послевоенных лет — является также своего рода научным памятником С. П. Толстову, его огромной многолетней работе организатора, руководителя авторского коллектива и ответственного редактора этого большого и поистине новаторского труда, при создании которого пришлось заново пересмотреть едва ли не все основные концепции и проблемы мировой этнографической науки.

В дальнейшем С. П. Толстов стремился к углублению работы Института в области этнографии современности, к разработке таких теоретических проблем ее как развитие социалистических наций и народностей. По его инициативе была написана коллективом авторов одна из первых работ об основных направлениях этнических процессов в СССР⁴. Он был сторонником усиления научных связей этнографов с географами и социологами и стал инициатором создания этногеографического подразделения в Институте.

Велика была роль С. П. Толстова и в разработке других, не менее крупных и сложных тем научно-исследовательского плана Института этнографии, связанных с проблемами истории первобытного общества,

³ С. П. Толстов. Этнография и современность, с. 7.

⁴ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. — СЭ, 1961, № 4.

этногенеза и этнической истории, истории культуры, религий и др.⁵. В исследованиях по историко-этнографической тематике Сергей Павлович всегда выступал поборником последовательного применения метода историзма, придавая первостепенное значение датировке этнографических явлений. Как уже отмечалось, игнорирование хронологии он считал одним из главных пороков буржуазной этнографической литературы. В докладе на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже (1960 г.) С. П. Толстов на конкретных примерах показал «насколько зыбки некоторые широко распространенные этнографические „теории“, последователи которых не учитывают элемента абсолютной хронологии и не исследуют (прежде чем делать общеобязательный вывод) историю конкретных бесписьменных народов»⁶. Собственные исследования Сергея Павловича, например, одна из его важнейших теоретических статей — «Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии»⁷, были убедительным примером научной плодотворности применения методов строгого историзма и комплексного анализа с использованием данных истории, археологии, этнографии, антропологии и других наук.

Отдавая много сил и времени научно-организационной работе, Сергей Павлович необычайно плодотворно работал и как ученый-исследователь. Его перу принадлежит более 300 работ, освещающих различные вопросы общей этнографии, истории, археологии и этнографии Средней Азии и многие общие вопросы востоковедения. Крупнейшие из них — широко известные монографии «Древний Хорезм» (1948 г.), «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948 г.), «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962 г.).

С. П. Толстов внес большой вклад в разработку проблемы истории первобытного общества. Он одним из первых в советской науке поставил вопрос о необходимости критического подхода к наследию Моргана, о правомерности уточнения его положений с помощью новых научных данных. Предложенный им в 1946 г. вариант периодизации истории первобытного общества⁸ явился важным шагом в творческом развитии марксистской науки о первобытном обществе. Занимаясь проблемами первобытной истории, С. П. Толстов особое внимание уделял проблеме дуально-родовой организации как первой универсальной формы родового общества, наложившей глубокий отпечаток на все мировоззрение и психологию этого общества.

С 1929 г., на протяжении всего своего творческого пути, Сергей Павлович был неутомимым исследователем Средней Азии и Казахстана, одним из крупнейших знатоков исторического прошлого народов этого региона и древних истоков их многовековой богатой культуры, традиционных форм быта. Наряду с разработкой проблем, непосредственно относящихся к истории и этнографии этих народов, он во многих случаях, опираясь именно на среднеазиатские источники и материалы, вел свои изыскания в области общих проблем этнографии, истории первобытного общества и др. Это обусловило особую значимость и ценность научного вклада С. П. Толстова в среднеазиатскую этнографию, обогащенную его теоретическими концепциями, обобщениями и гипотезами.

Так, ряд общетеоретических положений и выводов, касающихся архайческих институтов родового общества — дуальной организации, группового брака, тайных мужских союзов и др. — содержатся в

⁵ См. Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт, Н. Н. Чебоксаров. Сергей Павлович Толстов (к 60-летию со дня рождения). — СЭ, 1967, № 1, с. 130—138.

⁶ С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, с. 17.

⁷ См. «Вопросы истории», 1961, № 11.

⁸ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. — СЭ, 1946, № 1.

«Древнем Хорезме»; значительный вклад в разработку проблемы тотемизма сделан С. П. Толстовым в работе «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен»⁹; в другой его ранней работе — «Очерки первоначального ислама»¹⁰, были впервые сформулированы основы концепции о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, получившей дальнейшее развитие в трудах М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, Б. В. Андрианова, Я. В. Чеснова и др. Подобных примеров можно было бы привести немало.

Вряд ли существует какая-либо проблема среднеазиатской этнографии, не затронутая в трудах С. П. Толстова. Еще в 1942 г. в Ташкенте, на первой сессии по этногенезу народов Средней Азии, он наметил, на основании исторических и этнографических данных, главные этапы и главные этнические компоненты формирования каждого из народов этого региона и попытался определить те периоды средневековья, когда «этногонический и глоттогонический процесс у данного народа достигает ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этнолингвистические результаты»¹¹. В дальнейшем во многих трудах Сергея Павловича нашла отражение более детальная разработка этногенеза некоторых среднеазиатских народов (каракалпаков, туркмен и др.). С. П. Толстов был также ведущим автором вводного очерка «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» к среднеазиатским томам серии «Народы мира»¹². Его концепция этногенеза народов данного региона до настоящего времени является основой разработки этой сложной проблемы. Новые открытия в области археологии, лингвистики, палеоантропологии и других смежных наук дают возможность детализировать и углублять ее исследование.

Сергей Павлович положил начало изучению и других кардинальных проблем среднеазиатской этнографии, таких как историческая роль кочевников и полукочевников, их взаимоотношения с земледельческим населением оазисов, особенности общественного строя и культуры степных скотоводческих племен региона в разные исторические периоды, региональные и межрегиональные этнокультурные связи народов Средней Азии, вопросы генезиса различных обычаев и обрядов, история ислама и его среднеазиатская специфика, реликты древних доисламских религий и верований и т. д. Богатство и многогранность содержания работ С. П. Толстова неисчерпаемы, каждая из них вызывает у исследователей захватывающий интерес, становится источником для творческих исканий, новых мыслей и гипотез, новой постановки казалось бы давно решенных вопросов и раскрывает широкие научные горизонты благодаря большой эрудиции автора, его свободной ориентации в историко-этнографических проблемах Передней Азии, Индии и др. стран Востока, в материалах многих смежных наук.

С. П. Толстов всегда подчеркивал особую важность контактов археологии и этнографии, необходимых, по его мнению, при разработке многих аспектов исторических исследований. Им был выделен особый отдел этнографической науки — палеоэтнография¹³, опирающаяся в решении той или иной проблемы как на этнографические, так и на археологические материалы. Вместе с тем С. П. Толстов всегда придавал большое значение использованию этнографических материалов для исторических реконструкций при анализе археологических данных.

⁹ «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

¹⁰ СЭ, 1932, № 2.

¹¹ Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, М.—Л., 1947, с. 303.

¹² «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1962, с. 38—114.

¹³ С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, с. 12.

В конце 1930-х годов перед советскими историками встала задача создания истории молодых среднеазиатских республик. В это время в центре внимания были проблемы социального строя народов Востока, в частности, спорные вопросы общественного строя народов домусульманской Средней Азии. Именно тогда были организованы крупные археологические экспедиции, задачей которых было получение новых источников для решения этих сложных исторических проблем. Исследования Хорезмской археологической экспедиции стали делом жизни С. П. Толстова и принесли ему мировую славу.

Поразительные впечатления, под воздействием которых оказывается каждый, впервые, да и не только впервые, увидевший в пустыне древний оазис, очень поэтично и в то же время точно были выражены С. П. Толстовым в одной из вводных глав к его книге «Древний Хорезм»: «Повсюду, до горизонта, поднимались среди песков силуэты построек. Казалось, что ты затерян в каком-то заколдованном царстве, в мире миража, ставшего трехмерным и материальным. Но сказку надо было сделать историей. Надо было прочесть книгу мертвого Хорезма»¹⁴. В книге «Древний Хорезм» и были подведены первые итоги четырех довоенных лет работы Хорезмской экспедиции, когда ученые начали проникать в тайны «мертвого Хорезма». В ней, пожалуй, наиболее ярко проявилась творческая индивидуальность С. П. Толстова-исследователя. Книга написана увлеченно, ярко, захватывающе. Несмотря на то, что с момента публикации этой книги прошло почти 30 лет, она поражает свежестью мысли, а некоторые ее положения, основанные, по меркам нынешнего времени, на весьма скудном фактическом материале, прошли испытание временем и позволяют говорить об удивительной научной интуиции С. П. Толстова.

В «Древнем Хорезме» была впервые дана четкая периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья, основанная на использовании данных всех видов исторических источников, в первую очередь археологических. В книге рассмотрена история хорезмийской ирригации — этой основы основ хозяйства и жизни населения Средней Азии. Здесь впервые были собраны и систематизированы новые данные, свидетельствующие о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время, тезис, который С. П. Толстов пытался обосновать для кочевых и оседлых народов Средней Азии, располагая довольно ограниченным кругом данных и письменных источников.

Самостоятельное значение в этом труде имеет анализ явлений религиозной идеологии. Он вылился во всестороннее и глубокое исследование эволюции средне- и переднеазиатских религий и религиозных течений, начиная с наиболее ранних ее стадий, связанных с дуальной организацией и тотемизмом.

Ряд теоретических положений и гипотез, выдвинутых в этой монографии, послужил отправной точкой для работ многих исследователей. Нет сомнения, что к ней будет обращаться еще не одно поколение ученых.

Реорганизация после войны Хорезмской археологической экспедиции в комплексную археолого-этнографическую была продиктована стремлением использовать этнографические исследования для наиболее полного воссоздания этнической истории и истории культуры тех народов, которые населяют сейчас Хорезмский оазис, и в то же время желанием поставить результаты научных изысканий экспедиции на службу социальному строительству.

Во введении к книге «По древним дельтам Окса и Яксарта» С. П. Толстов выделяет три крупные исторические проблемы, стоявшие перед экспедицией: общественный строй земледельческих оазисов Сред-

¹⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 27—28.

ней Азии; история древних русел Амударьи и Сырдарьи — их формирование и заселение человеком, и связанная с ней история хорезмийской ирригации; история кочевников и полукочевников, их взаимоотношений с населением оазисов; историческая роль их в экономической и культурной жизни страны¹⁵. Решение первой из указанных проблем было предложено С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме», последующие же работы экспедиции по исследованию таких великолепных памятников хорезмийской античности как Топрак-кала и Кой-крылган-кала дали новый фактический материал по общественному строю земледельческих оазисов Средней Азии. В этой связи, в частности, следует назвать находку Топрак-калинского хозяйственного рукописного архива (документы на деревянных дощечках и коже), прочтенного В. А. Лившицем и С. П. Толстовым и дающего новые доводы в пользу рабовладельческой структуры хорезмского общества эпохи античности.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции по инициативе и под руководством С. П. Толстова приняли большой размах и развернулись на новой методической основе. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически вооруженных археологических экспедиций нашей страны. Участие в ее работах, помимо археологов и этнографов, географов, геоморфологов, почвоведов, антропологов значительно расширило рамки исследований и углубило их. Здесь С. П. Толстовым впервые в мировой археологической практике в специальных целях и в широком масштабе были применены аэрометоды: визуальная авиаразведка, перспективная и плановая аэрофотосъемка, аэрофотограмметрия, археологические авиадесанты для изучения затерянных в песках памятников.

Маршрутные исследования охватили огромные площади пустынь Приаралья и Прикаспия. Назовем лишь некоторые из открытий экспедиции. В послевоенный период широко развернулись работы по изучению первобытных памятников на территории Хорезма. Под руководством Сергея Павловича были проведены комплексные исследования на древних руслах Амударьи и Сырдарьи, где были открыты сотни стоянок эпохи неолита и бронзы.

Наряду с раскопанной С. П. Толстовым неолитической стоянкой Джанбас 4, ставшей своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии¹⁶, были обнаружены сотни стоянок этого и более позднего времени¹⁷. В последние годы ведутся раскопки стоянки Джанбас 31, на которой так же, как и на стоянке Джанбас 4, сохранились остатки жилища, превосходный кремневый и костяной инвентарь, керамика.

Большим событием явилось открытие могильников эпохи бронзы Кокча 3¹⁸ и заповедника стоянок эпохи бронзы с сохранившимися остатками домов и ирригационной сетью, датирующейся, как и поселения, второй половиной II тысячелетия до н. э.¹⁹.

Огромный интерес специалистов вызвал открытый в низовьях Сырдарьи могильник эпохи поздней бронзы — Северный Тагискен, место захоронения вождей племен. Погребения совершались в мавзолеях, выстроенных из сырцового кирпича и дерева, и сопровождалась богатым погребальным инвентарем, включавшим помимо прекрасной посуды, изделия из золота и бронзы²⁰. Колоссальную работу проделал Сергей Павлович, продолжая начатые до войны исследования по истории и

¹⁵ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 16.

¹⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 59 сл.

¹⁷ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. — «Материалы Хорезмской экспедиции» (далее МХЭ), в. 8, М., 1967.

¹⁸ «Могильник Кокча 3». — МХЭ, в. 5, М., 1967.

¹⁹ М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.). — «Труды Хорезмской экспедиции» (далее ТХЭ), т. X, М., 1977.

²⁰ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 80 сл.

культуре античного Хорезма. Очень важный для изучения периода становления хорезмийской государственности цикл работ, продолжающийся и сейчас, был начат им на городище Кюзели-гыр (VI—V вв. до н. э.). В Правобережном Хорезме был раскопан храм-мавзолей, связанный с астральными культами — Кой-крылган-кала (IV в. до н. э.—IV в. н. э.).²¹ Мировую известность, благодаря работам С. П. Толстова, приобрели стенные росписи и скульптуры первых веков нашей эры, обнаруженные при раскопках дворца хорезмийских царей на городище Топрак-кала²². В последние годы экспедиция ведет раскопки жилых кварталов на городище и прилегающего к нему так называемого Северного комплекса.

Исследование античных памятников на территории Южного Приаралья — городищ, укреплений, дворцовых и храмовых комплексов, сельских поселений — дало огромный материал по хозяйственной и политической истории, истории общественной организации, культуры, религии Хорезмского государства в VII—VI вв. до н. э.—III—IV вв. н. э.

Большой размах работ экспедиции был, если можно так выразиться, обеспечен и педагогическим талантом С. П. Толстова. Он сумел объединить вокруг себя большое число археологов и этнографов, подготовив из них высококвалифицированных специалистов по разным отраслям археологической и этнографической науки. Ученики Сергея Павловича, а в последнее время и ученики его учеников, работают не только в центральных научных учреждениях, но и во многих научных учреждениях Средней Азии.

На новой методологической основе и с привлечением широкого круга специалистов С. П. Толстовым были задуманы и осуществлены комплексные археолого-геоморфологические исследования древних русел Амударьи и Сырдарьи, значение которых трудно переоценить²³. Они продолжают и поныне и имеют большое научное и практическое значение. Засушливый климат Средней Азии в глубокой древности предопределял зависимость расселения людей на той или иной территории от степени ее обводненности. Изучение древней гидрографической сети и расположенных в зоне ее действия исторических памятников позволили воссоздать историю древнего населения Южного Приаралья от эпохи неолита до позднего средневековья. Развитие ирригационного земледелия в Хорезмском оазисе в значительной мере способствовало превращению Хорезма в античное время в государственное образование с централизованной властью. Широкие исследования древней ирригации дали возможность С. П. Толстову опровергнуть тезис о необратимом усыхании земель древнего орошения Средней Азии. Работы Хорезмской экспедиции показали, что историческая динамика оросительных систем определяется, прежде всего, социальными факторами, а не природными, что упадок искусственного орошения и запустение цветущих оазисов обусловлены социальными и политическими причинами — опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности, феодальными усобицами. Когда общество переживало кризис, природные факторы (размыты и наводнения, смывавшие плотины и дамбы, перемещение сыпучих песков, засоление культурных площадей и т. д.) усугубляли опустошение культурных земель и вызывали перемещение земледельческого населения²⁴. Все эти процессы были зафиксированы не только в ходе археологических раскопок, но и в процессе археолого-этнографи-

²¹ «Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.», — ТХЭ, т. V, М., 1967.

²² С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 204 сл. В настоящее время готовится к изданию двухтомник, посвященный раскопкам на Топрак-кале.

²³ См.: «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», — МХЭ, в. 3, М., 1960.

²⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 316.

ческих исследований позднесредневековых (туркменских) оросительных систем на оз. Сарыкамыш²⁵, покинутых туркменских поселений XIX в. на Дарьялыке, каракалпакских — в низовьях Сырдарьи²⁶.

Исследование истории древних русел на аллювиальных дельтовых равнинах Амударьи и Сырдарьи, картирование древней ирригационной сети и установление хронологии расположенных в зоне ее действия исторических памятников, позволили С. П. Толстову авторитетно заявить, что земли древнего орошения низовий Амударьи и Сырдарьи площадью около 5 млн. га²⁷ могут быть грандиозным резервом нового освоения. Этот вывод способствовал привлечению Хорезмской экспедиции к решению некоторых задач, непосредственно связанных с решением народнохозяйственных проблем. Так, в последние годы, в связи с проектом переброса части стока вод сибирских рек в бассейн Арала, по заданию «Союзводпроекта» Хорезмская экспедиция вновь обследовала земли древнего орошения и подготовила археолого-геоморфологическую карту с нанесенной на ней древней ирригационной сетью, геоморфологические и археологические характеристики которой должны помочь оптимально использовать для нужд земледелия и животноводства земли, которые будут находиться в зоне действия будущего канала²⁸. Карта-схема древних ирригационных систем Хорезма, создание которой было задумано и осуществлено С. П. Толстовым²⁹, уже давно используется местными ирригаторами при освоении новых территорий: нередко, вместо того, чтобы рыть новые, они расчищают древние каналы и пускают по ним воду. Сейчас, в связи с грандиозными планами освоения новых земель, выдвинутыми на XXV съезде КПСС, перед Хорезмской экспедицией встают серьезные задачи. Можно быть уверенными, что, благодаря большому опыту работ в этом направлении, являющимися прямым результатом научного предвидения и удивительного чувства нового, присущих С. П. Толстову, экспедиция с этими задачами справится.

История кочевых и полукочевых племен, территория расселения которых граничила с земледельческими оазисами, — третья большая проблема, из поставленных С. П. Толстовым. Работы экспедиции по изучению истории племен, населявших степи к востоку и северо-востоку от Хорезмского оазиса в нижнем течении Сырдарьи, открыли для науки ранее известные лишь по письменным источникам сакские племена, часть которых во II в. до н. э. сыграла важную роль в падении Греко-Бактрийского царства.

Погребальные памятники саков низовьев Сырдарьи, среди которых есть очень ранние, датируемые VII—VI вв. до н. э. (Южный Тагискен и Уйгарак)³⁰, их укрепленные оседлые поселения, характер хозяйства, значительное развитие ремесел показали, что это были отнюдь не кочевники, как принято было считать. По словам С. П. Толстова, это было «общество, далеко продвинувшееся вперед в своем развитии, общество, которое помимо скотоводческого хозяйства имело своеобразные и довольно совершенные формы ирригационного земледелия и развитое ремесло»³¹.

²⁵ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с 264—265.

²⁶ Там же, с. 300—314.

²⁷ Там же, с. 321.

²⁸ Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь. Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения. — СЭ, 1974, № 5.

²⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, карта-схема между с. 46 и 47; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, карта-схема в конце книги; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта, карта-схема в конце книги. См. также: Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

³⁰ С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). — «Сов. археология», 1966, № 2; О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХЭ, т. VIII, М., 1973.

³¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 200.

С. П. Толстов всегда подчеркивал взаимозависимость, и прежде всего экономическую, между населением оазиса и степи. В последние годы этот тезис был подтвержден и материалами Левобережного Хорезма. Более того, сейчас «мирное сосуществование» оседлоземледельческого населения оазиса и подвижного полукочевого населения прилегающей пустыни — носителей культуры степной бронзы, фиксируется уже для конца II тыс. до н. э. — эпохи поздней бронзы (низовья Амударьи, Мургаб).

Как уже говорилось, Хорезмская экспедиция не случайно была задумана С. П. Толстовым как комплексная. Детальное изучение родоплеменного состава, исторических народных традиций и преданий позволило впервые осветить с должной обоснованностью многие проблемы этногенеза каракалпаков, северохорезмских узбеков и туркмен, казахов низовий Аму- и Сырдарьи. Были обнаружены черты общности некоторых этапов их этнической истории и связи их этногенеза со степными племенами, обитавшими в Приаралье в древности и в средневековье. В историко-этнографическом аспекте изучались также и проблемы типов хозяйства, истории общественного строя, материальной и духовной культуры, семейного быта.

Впервые были исследованы особенности комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовческого хозяйства полукочевого населения дельтовых областей, истоки которого столь ярко прослеживаются на археологическом материале.

Еще сравнительно недавно население Средней Азии традиционно делилось на земледельцев и кочевников, и существование третьего этнографического компонента — полуоседлого населения, совершенно не учитывалось. А между тем к хозяйственно-культурному типу полуоседлых земледельцев и скотоводов принадлежит большинство туркмен, каракалпаки, узбеки-аралы и часть присырдарьинских казахов. Они селились на окраинах оазисов и в низовьях или дельтах крупных рек, занимаясь нерегулярным поливным и каирным земледелием в сочетании с пустынным пастбищным скотоводством, а зачастую и рыболовством³².

Таким образом, исследования этнографов с привлечением данных археологии показали, что на территории расселения этих племен комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство существовало с древнейших времен. Такая традиционность в экономике, естественно, не могла не сказаться на характере общественной организации, духовной культуре, на всей этнической истории этих племен.

Интереснейшие данные, касающиеся глубоких корней современной архитектуры и строительной техники народов Средней Азии, дает комплексное археолого-этнографическое изучение жилища. Это относится как к строительной технике — применение сырцового кирпича, пахсы (битая глина), сооружение каркасных построек из дерева и камыша, обмазанных глиной, так и к планировке жилищ. Указанные строительные материалы и приемы известны здесь с эпохи неолита; что же касается планировки жилищ, то два ее широко распространенных типа прослеживаются на материалах сельских усадеб с VII—VIII вв. и до наших дней³³. Такая устойчивость планировки сельских жилищ во времени дает этнографам и археологам блестящую возможность для исследования эволюции форм общественной организации, большесемейной общины в частности³⁴, а сходство сельских жилищ узбеков, туркмен и каракалпаков — еще одно свидетельство сложных путей их этногенеза.

³² Т. А. Жданко. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. — СЭ, 1961, № 2, с. 55—58.

³³ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 80—85; там же литература вопроса.

³⁴ Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М., 1976.

Специальные циклы исследований экспедиции были посвящены изучению реликтов доисламских верований, древних семейных обычаев и обрядов, своими корнями уходящих в глубокую древность³⁵. Во многих случаях удалось обнаружить явные пережитки зороастризма — религии, проявление которой в погребальном обряде четко зафиксировано археологически на территории Хорезма³⁶. В последнее время удалось провести исследование древней музыкальной культуры Хорезма. В основу его был положен, с одной стороны, иконографический материал, добытый в процессе раскопок, с другой — современные среднеазиатские музыкальные инструменты и инструментальные ансамбли³⁷.

Большой круг исторических проблем, находящихся в центре внимания С. П. Толстова, широкие хронологические и территориальные рамки исследований, их комплексный метод, дали возможность углубленно заняться этногенезом и этнической историей народов Средней Азии. Помимо специальных работ, посвященных этой проблеме («Аральский узел этногонического процесса», «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии» (1947 г.), «Огузы, печенеги, море Даукара» (1950 г.), «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» (1947 г.) и др., этногенезу уделяется большое внимание во всех его археологических работах. Основные заключения С. П. Толстова о древнейших и средневековых этапах этногенеза народов Средней Азии прочно вошли в науку, хотя, разумеется, каждое новое археологическое, историческое и этнографическое открытие вносит уточнения в разработку этой проблемы.

Научная деятельность С. П. Толстова получила заслуженно высокую оценку в нашей стране и за ее пределами. Он удостоен нескольких правительственных наград. В 1948 г. за научный труд «Древний Хорезм», ему была присуждена Государственная премия первой степени. Сергей Павлович был удостоен званий заслуженного деятеля науки и техники Узбекской ССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки Каракалпакской АССР. В 1956 г. его избрали почетным членом Академии наук Узбекской ССР. В связи с 250-летием Академии наук он был награжден орденом Дружбы Народов, что как нельзя более соответствовало его заслугам в создании истории народов Средней Азии, в изучении этногенеза, этнической истории и культуры народов нашей многонациональной Родины. Многие его труды переведены на среднеазиатские, ряд трудов — на иностранные языки. Полные переводы книги «По следам древнехорезмийской цивилизации» вышли в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, сокращенный перевод — во Франции, пересказ — в Японии. С. П. Толстов читал лекции о своих археологических исследованиях в Лондонском, Оксфордском и Кембриджском университетах, в Париже и в Риме.

Признанием выдающихся научных заслуг С. П. Толстова было избрание его членом-корреспондентом АН ГДР, почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического обществ, Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии, археологического департамента Индии, членом-корреспондентом школы Восточных и Африканских исследований Лондонского университета.

Коллектив Института этнографии, сотрудники, коллеги, друзья и ученики Сергея Павловича Толстова навсегда сохраняют светлую память об этом замечательном человеке — коммунисте, патриоте, ученом и педагоге, ставшем одним из основоположников советской этнографической науки.

Т. А. Жданко, М. А. Итина

³⁵ Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

³⁶ Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

³⁷ Р. Л. Садоков. Музыкальная культура древнего Хорезма, М., 1970.